

гатствъ? Ужели мы не перенесемъ поношенія и позора со стороны людей, чтобы достигнуть божественной славы, мѣняя смертное на безсмертное? Ужели мы не будемъ алкать и жадать немного, чтобы ѣсть хлѣбъ жизни, сходящій съ неба, и пить воды истинно живыя, которыя кто-бы не нашель достойнымъ ѣсть и пить,—тотъ уже не будетъ алкать и не возжаждетъ во вѣки? Ужели мы не очистимъ душевныя очи, воздерживаясь отъ всякой душевной и тѣлесной нечистоты,—чтобы узрѣть свѣтъ болѣе свѣтлый, чѣмъ солнце, или, лучше, чтобы быть чадами высшаго свѣта? Да не будетъ, молю васъ, братіе, чтобы мы предпочитали свѣту мракъ, божественной и вѣчной радости—удовольствіе смерти и служеніе гоненій, богатыей любви—роскошь тлѣнія, вещество огня, которымъ во вѣки будутъ жегомы домогавшіеся зла, какъ показали намъ Господь въ притчѣ о богачѣ и Лазарѣ (Лук. 16, 19—31). Но будемъ жить, какъ жилъ Онъ Самъ, какъ Самъ научилъ насъ, уподобившись намъ и понесши крестъ,—будемъ слѣдовать Ему, распиная плоть со страстьми и похотьми, чтобы прославиться съ Нимъ, и по воскресеніи быть взятыми къ Нему, какъ Онъ нынѣ былъ взятъ къ Отцу. Ставь посреди учениковъ Своихъ, Онъ (Спаситель) далъ имъ заповѣдь о проповѣди и обѣтованіе Духа, присовокупляя, что Онъ пребудетъ съ ними до скончанія вѣка (Мате. 28, 20); сказавши это и поднявши руки Свои, Онъ благословилъ ихъ и на виду ихъ поднялся, указывая,

что, кто будетъ повиноваться Ему, тотъ по воскресеніи вознесется къ Богу Отцу. Итакъ, Господь ушелъ отъ нихъ—апостоловъ тѣломъ: ибо по Божеству Онъ присущъ былъ имъ, и, какъ сказалъ имъ, возвеличенный съль одесную Отца съ нашимъ образомъ. Посему, какъ Онъ воскресъ и вознесся,—такъ и мы воскреснемъ вси, вознесенія же не всѣ достигнемъ, но только тѣ, у которыхъ *еже жити Христосъ: и еже умрети* (ради Него) *приобрѣтеніе* (Филипп. 1, 21). Тѣ, которые прежде смерти распяли грѣхъ чрезъ раскаяніе и Евангельское обращеніе,—тѣ одни только послѣ воскресенія восхищены будутъ на облакахъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ. Апостолы послѣ того, какъ Господь вознесся, созерцали Его очами душевными и вмѣстѣ поклонились. И мы, восходя на высшую ступень нашей души, очистимъ себя отъ порочныхъ и земныхъ помышлений. Ибо такъ мы получимъ и пришествіе Утѣшителя и поклонимся въ духѣ и истинѣ Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ

архимандрита Василія, при нареченіи его во епископа Старицкаго, викарія Тверской епархіи *).

Богомудрые Архипастыри и Отцы!

Высокое зданіе, гора вздымающаяся къ небесамъ и представляющая непреодолимыя трудности, чтобы взойти на нее, разстояніе между двумя видимыми пунктами, какъ-бы они ни были уда-

*) Произнесена въ Крестовой палатѣ Тверскаго архіепископскаго дома 28, апрѣля 1900 г.

лены одинъ отъ другого и какія препятствія ни залегали бы между ними, если наблюдать со стороны, тѣмъ болѣе издали, кажутся вовсе небольшими, даже ничтожными. Законъ, лежащій въ основѣ этихъ явленій физической перспективы, имѣетъ силу и по отношенію къ явленіямъ нравственнаго порядка. Дѣло, служеніе человѣческое, и самое великое и трудное, когда смотримъ на него сбоку да издали, представляется такимъ простымъ и легкимъ, что и самые несильные изъ насъ судятъ и осуждаютъ какъ знатоки, смѣло указывая ошибки, смѣясь надъ несообразностію, порицая оплошности тѣхъ, кто это дѣло дѣлаютъ и эту службу несутъ.

Я не юноша, оставилъ я за собою далеко уже и свои такъ называемые зрѣлые годы, кромѣ того служеніе Богу и Церкви для меня близкое, родное, и по рожденію, и по воспитанію, и по всему складу души моей. Тѣмъ не менѣе, когда, полтора года назадъ, возлагалъ я на себя яремъ этого служенія, подошелъ значить къ нему со-всѣмъ уже вплотъ, и тогда все еще оно представлялось неизмѣримо болѣе простымъ и легкимъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Казалось, всю жизнь какъ бы монахомъ былъ, по монашески жилъ, а когда на самомъ дѣлѣ сталъ монахомъ, то совершенно неожиданно оказалось настоящимъ подвигомъ, горькою и тяжелою эта обязательная отрѣзанность отъ людей, отъ обычныхъ человѣческихъ отношеній и жизни, удвояемая долгомъ, положеніемъ и одеждою духовнаго лица и монаха. Весь вѣкъ посвятилъ я педагогическому дѣлу, а когда только измѣнилась въ немъ точка зрѣнія у меня, съ поставленіемъ во главѣ духовно-учебнаго заведенія, въ силу чего сдѣлался я въ этомъ заведеніи отвѣственнымъ руководителемъ религиозно-церковнымъ, и совершенно неизбѣжно

измѣнились и отношенія мои къ нему и въ немъ, и не новое дѣло стало новымъ и труднымъ. Если въ первые же дни этого служенія посчастливилось мнѣ пронести свою ношу чрезъ нѣкотораго рода бурю безъ потерь, то не по моему умѣнію, а потому, что очевидно такъ угодно было Богу, Его премилосердію волею всецѣло было управлено это. Поставленный, наконецъ, вѣдать древнюю святую обитель преподобнаго Максима Грека, святителя и мученика Филиппа и святителя Тихона, въ коей, по современному ея малолюдству и захудалости, повидимому, нечего уже было и дѣлать, столкнулся я съ новыми явленіями жизни, вызывающими на тяжелую думу, горькое чувство на заботы, усилія, огорченія и отношенія дотолѣ небывалыя для меня, и потому, быть можетъ, и трудныя и тягостныя.

Поднимаясь по горѣ служенія святой церкви, вотъ я въ настоящую минуту стою предъ вами Богомудрые Архипастыри, въ непосредственной близости святаго храма всемірныхъ провозвѣстниковъ христіанства, въ несомнѣнномъ духовномъ присутствіи ихъ здѣсь при этомъ священномъ актѣ, стою, чтобы сдѣлать отсюда послѣдній шагъ и подняться на самую вершину этой горы. Наученный опытами прошлой жизни, знаю, еще болѣе—чувствую, что съ новаго возвышеннѣйшаго пункта, на который ставлюсь я Промысломъ Божиимъ, выразившимся въ избраніи Твоёмъ, высокопреосвященнѣйшій Владыко, въ изволеніи и благословеніи Святѣйшаго Правительствующаго Синода и въ соизволеніи Благочестивѣйшаго Государя нашего, откроются предо мною новые горизонты и на нихъ новыя, мнѣ невѣдомыя пока, горшія заботы, трудности, можетъ быть слезы. Въ предчувствіи этого, когда повѣдано было о предстоящемъ удѣлѣ, много-много разъ

нечуждо было мнѣ душевное движеніе, проникнутое этимъ смысломъ: лучше было бы оставаться въ прежней безвѣстности мнѣ съ моими скромными и уже увядшими силами! Вотъ и теперь, какъ много уже дней къ ряду, я не въ состояніи поборотъ охватывающаго меня волненія, по своимъ размѣрамъ вовсе несвойственнаго моему старческому возрасту, волненія до глубины души. Въ самомъ дѣлѣ, ставлюсь я на свѣщницѣ, да свѣтитъ свѣтъ мой предъ человѣки, чтобы они видѣли добрыя дѣла мои и прославляли Отца небеснаго. Т. е. мнѣ предстоитъ быть маячнымъ огнемъ, долженствующимъ свѣтить всѣмъ, всегда, постоянно сильнымъ и ровнымъ свѣтомъ, направляющимъ путниковъ жизни, такъ, чтобы они береглись и избѣгали опасностей, крушенія и гибели, и входили въ благоотпущную, вѣковѣчную, небесную пристань, возсылая Богу благодарныя мольбы. Господь поднимаетъ меня до положенія, относительно коего ближайшимъ образомъ примѣнимо Его Господне изреченіе: «аще кто хочетъ болѣе быти въ васъ, да будетъ всѣмъ рабъ». Выходить, не покой тѣлесный и душевный сулить мнѣ предстоящее званіе, а непрерывную заботу, непокладный трудъ, полное отреченіе отъ своей воли и своего времени. А святыи Апостолъ эту же самую мысль выразилъ въ приложеніи къ своему дѣлу, давъ тѣмъ наставленіе всѣмъ преемникамъ своего служенія, такъ: «всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу». Значить, въ силу апостольскаго наставленія, заключающагося въ этихъ словахъ, и мнѣ предстоитъ, отвергнувъ себя, взять непосильный для обыкновенной человѣческой мощи крестъ всецѣлаго посвященія себя на служеніе другимъ, и въ нихъ—Богу. Значить, и мнѣ должно будетъ быть въ одно и то же время представи-

телемъ неколеблемой, вѣчной истины, и по крайности не чуждымъ тучихъ вѣяній современной мысли и жизни,—старцемъ и юнымъ,—сильнымъ, твердымъ, строгимъ, и младенчески мягкимъ,—мудрымъ и простецомъ нищимъ духомъ,—монахомъ и общественнымъ человѣкомъ и дѣятелемъ,—наставникомъ, руководителемъ, начальникомъ, и всеобщимъ и всегдашнимъ слугою,—подвижникомъ, и способнымъ по крайней мѣрѣ понимать и прочувствовать запинанія и паденія людей нравственно свихнувшихся и свалившихся... Значить, и на моей обязанности будетъ быть готовымъ всегда понести всякую чужую тяготу какъ свою собственную, больше того—откладывая въ сторону и забывая свою—то собственную тяготу, брать на свои плеча чужую, а съ нею вмѣстѣ часто и самого изнемогаго подъ нею немощнаго брата, а то и цѣлыя десятки, сотни и тысячи братьевъ... Да—это гора нравственной силы и совершенства необъятная не только для того, чтобы подняться на нее, но и охватить ее взоромъ заразъ сколько нибудь полно! Откуда же мнѣ взять силъ для подъема на эту гору, когда и отъ Самого Господа Бога не получилъ я ни такого величія, ни такого равнообразія силъ, когда и дарованныя скромныя силы вымотаны уже у меня на протяженіи долгой труженической жизни, когда, наконецъ, и остатки дарованныхъ силъ подкосились было недугомъ, съ коимъ недавно еще заглянула въ самые глаза мнѣ смерть?

Но да будетъ премудрая, всемогущая и милосердая воля Божія!

Съ своей стороны, для предстоящаго мнѣ неизмѣримо великаго служенія, дерзаю принести, въ настоящую вечернюю жертву Господу, только именно остатки своихъ силъ, съ нѣкоторымъ жизненнымъ опытомъ, при-

нести отъ чистаго и полнаго сердца, тѣмъ болѣе полнаго, что остающіяся силы не нужны уже мнѣ самому ни для какихъ житейскихъ, земныхъ дѣлей, принести со страхомъ Божиимъ и вѣрою. И да довлѣетъ, Боже, та вѣра моя вмѣсто всѣхъ, та да отвѣщаетъ, та да оправдѣтъ мя, та и да покажетъ мя причастника славы Твоея вѣчныя! Да совершится же сила Твоя, Господи, въ немощѣхъ моихъ! И да не попуститъ она въ остатокъ дней моихъ и за ними оказаться мнѣ со всѣмъ неключимымъ рабомъ!

Немощамъ моимъ и то уже благодатное облегченіе, что съ предстоящею службою вдаюсь я руководителю мудрому и благодѣльному, тебѣ, милостивѣйшій отецъ и архипастырь, кто и до того уже былъ мнѣ истиннымъ отцемъ, породившимъ меня въ монашескую и священнослужительскую жизнь, истиннымъ отцемъ во все теченіе этой жизни во время здоровья и еще того болѣе во время болѣзни. При этомъ и служеніе мое предназначено въ мѣстѣ и средѣ людей, и за недолгое время ставшихъ мнѣ близкими, родными по духу...

За всѣмъ тѣмъ, не отриньте, Богомудрые Отцы и Архипастыри, смиренной и чистосердечной мольбы о низведеніи содѣлительной и всесодержительной благодатной Божіей помощи моему недостойнству въ предстоящемъ святомъ таинствѣ, и въ снисхожденіи, благословеніи и молитвахъ вашихъ нынѣ и присно!

Извѣстія и замѣтки.

Освященіе православнаго Александроневскаго собора въ Ревелѣ.

Императоръ Петръ I, покоривъ Эстляндію, основалъ въ Ревелѣ первый православный соборъ, который и до сихъ поръ служитъ здѣсь лучшимъ

памятникомъ его энергичной дѣятельности. Въ тѣ времена некогда было строить новыхъ церквей; поэтому великій Преобразователь, не задумываясь, превратилъ уже готовую шведскую гарнизонную церковь въ русскій православный соборъ. Слѣды этого сохранились и теперь: рѣзной иконостасъ съ католическими фигурами святыхъ, скульптурные ангелы, напоминающіе купидоновъ, и висящая въ воздухѣ каедрa для проповѣдника. Все носитъ характеръ слегка измѣненнаго католическаго костела. При этомъ храмъ очень тѣсенъ, втиснутъ между обывательскими домами и расположенъ въ очень узенькой улицѣ. Таковъ Преображенскій соборъ въ Ревелѣ. Православное населеніе давно чувствовало необходимость въ новомъ соборѣ, но не располагало для сего нужными средствами. 2-го апрѣля 1888 г., когда въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III Высочайше соизволилъ разрѣшить всероссійскій сборъ пожертвованій на сооруженіе новаго собора. Учрежденъ былъ строительный комитетъ подъ предсѣдательствомъ нынѣ покойнаго Эстляндскаго губернатора князя Шаховскаго и затѣмъ начались работы по сооруженію нынѣшняго новаго собора. Какъ именно возникъ онъ — лучше всего свидѣтельствуемъ надпись на мраморной доскѣ, установленной на одной изъ стѣнъ собора. Она гласитъ: «Храмъ сей сооруженъ во имя святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго и святаго равноапостольнаго князя Владиміра съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора Александра III, по почину Эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго, на пожертвованія, собранныя по всей Россіи, и на пособіе отъ казны, выданное по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая II. Проектъ составилъ и за по-